

К Стасу Намину

Собеседник - 1990, № 1, стр. 215

на поганой козе...

Натурально «коза» эта выглядела потрепанным «Москвичом» — зато на частнике не так страшно вечером в ЦПКиО им. Горького проридаться: в неуютной темени парка расположился музыкальный центр Стаса Намина. Хоть коллеги-журналисты предупреждали: к Стасу Намину? На поганой козе не подъедешь. И не только потому, что дает интервью редко, а потом мучает исправлениями и дополнениями. И не только потому, что веется вокруг него молва добра: талантливый музыкант, замечательный продюсер, гениальный организатор и коммерсант — и недобра: хитрец, делец, чей-то там внук и «по трупам ходит». А оттого, наверное, что человек он вовсе не простой, чем и притягивает, хотя с моим предположением не согласился:

— Что значит непростой? Я могу спать где угодно, вкалывать по 20 часов в сутки, ем просто, хотя люблю иногда вкусненькое, не душусь духами, надеваю одно и то же, хотя у меня есть что носить...

Отвечая вопросом на вопрос — его любимая манера. То ли привычка защищаться, то ли время потянуло... А на синей вязаной кофте и в самом деле зияла дыра. Моль? Или подчеркнутая простота?

В моей юности, т. е. в конце 70-х, Намин ходячим вместе с «Цветами» (в забытой классификации — ВИА) и очень модной наминовской песней: «Мы вам честно сказать хотим, на девяночок мы больше не глядим...» (пластинку затеряла до дыр). Жизнь это публичное заявление решительно опровергла. Стас дважды официально связывал свою судьбу с женщинами и на день нашей встречи, т. е. 9 декабря 1990 г., на вечный восьмимартовский вопрос: «Как ты относишься к женщинам?» — ответил:

— Женщина — это особое существо, которое устроено совершенно по другим законам, чем мужчина, как ворон и ворона — это разные породы: среди воронов есть мужчины и женщины и среди ворон тоже. Так и у людей: среди мужчин есть мужчины и женщины и среди женщин соответственно. Достойных мужчин я встречал в своей жизни гораздо меньше, чем достойных женщин, женщины меньше вырождаются. Поэтому мне недавно пришла в голову шутка: а почему бы не создать клуб лесбиянок как символ протеста против вырождения мужчин?

Но счастья тем не менее в своем страшно популярном шлягере уже конца 80-х жалел всем: и мужчинам и женщинам. Так прямо и говорил: «Мы желаем счастья вам, и оно должно быть большим». Откуда ему знать, каким быть тому счастью, ясно стало лишь в конце беседы.

— В этой жизни мне столько счастья привалило, столько друзей, что дальше мне ничего не надо. Потрясающая 12-летняя дочь, мама. По большому счету карьера и сугуба, что вокруг происходит, для меня просто игра. Не игра только то, что у меня внутри, какая-то духовная жизнь, совесть. Поэтому во мне всегда ощущение такой легкости и независимости от так называемых сильных мира сего.

Карьера, сугуба, игра... Но ведь играют все. Выигрывают лишь немногие. Вот говорит мне Стас, будто спылется ему порой чуть ли не с неба то, за что другие годами бьются. Хорошо. Допустим. Но не просто ж так. Есть какие то секреты, связи, авторитет, в конце концов. А он смотрит своими хитрыми «а-ля Япония» глазами: «Так я тебе и сказал!» — читают в них, а слышу:

— Почему у меня никогда и ни про кого такого ощущения не было? А ведь тоже не с самого начала получалось, да и сейчас не все гладко. Но если видел, что у кого-то получается, мне в голову не приходило искать нечестную игру или какой-то секрет. Мало кто ищет причину в личных, внутренних качествах. Тебя не спрашивали, почему ты имеешь успех в журналистике?

— Нет. Но уж, во всяком случае, не из-за связей.

— А я уверен, что есть завистливые подружки, которые говорят обратное. В 73-м году после выхода миллионными тиражами всего лишь двух гибких пластиночек наши песни запела вся страна. Согласись, это трудно сделать по знакомству.

— И все же какие-то законы жизни приходится соблюдать?

— Что значит законы? Когда у мальчиков заканчивается период созревания и они сталкиваются с жизнью, тут же начинается двойственное существование: компромисс между совестью и законами джунглей. Но законы-то у всех свои.

И чем больше в твоем законе занимает совесть, тем труднее добиваться цели. Проститутка ведь зарабатывает больше, чем любая умная, талантливая, но честная девушка.

Ого! Вот и приехали. Вот и совместно после этого наминовскую «легкость», когда «все чуть ли не само в руки плавят», с его законом, где совесть прямо пропорциональна трудностям. Впрочем, противоречие — еще одна характерная черта ответов Стаса. Правда, поди потом ему докажи, что он только что обратное говорил, диктофон — и тот не поможет.

— Ты говорил, «я не смотрю, как живут другие», тебя вообще не интересует, что у твоих конкурентов происходит?

— Нет.

— Волнуют только свои проблемы?

— Что ты имеешь в виду? Если чужое горе — это один вопрос, а если чужой бизнес — нет, не интересует. Когда со мной делятся, я с удовольствием слушаю, если могу, помогаю советом или делом. Странная вообще ситуация, ко мне часто обращаются даже люди, которые считали меня своим врагом.

— А у тебя самого есть враги?

— Думаю, если я никому не делаю плохо, то мне могут делать плохо или от зависти, или случайно, а это не причина враждовать.

— А вечно скандальные истории в прессе о тебе? То якобы «Роллинг Стоунз» из-за тебя не приехал, то вроде публику со сцены оскорблял?

— Вот именно, что «вроде» и «якобы».

За 20 лет моей работы всего лишь два или три раза появлялись подобные статьи.

— Ты замечал, что люди тебе пользуются?

— Да, бывало, ну и что? Ну попользуются, и дай Бог им счастья, если им от этого стало легче жить...

— Часто сильные люди, которые вершат большие дела, одиноки при обилии друзей и знакомых... Ты тоже?

— Ну да-а-а, ничего себе! Совершенно наоборот. Я не считаю, что

— «верши большие дела». И если бы был одинок, я бы не сделал фирму. Ты

просто не знаешь, что такое фирма по-настоящему. Вот мы сейчас

с тобой разговариваем, а в двух

соседних комнатах важнейшие переговоры ведутся. Пока не могу сказ

ать о чем, но скоро, думаю, все

узнают. Да разве б я мог на

чужих людей все бросить? Здесь мы

все братья и сестры, причем не

двоюродные, а родные.

Представить себе, что же это за блюдо

такое — «фирма Стаса Намина по-

настоящему», практически невозмож-

но. Дайте мне укусить папайо, и я вам

ни за что не скажу, что я ела. Дайте

мне пожить в Африке, тогда и погово-

рим. Я не жила и не прониклась

духом фирмы. Но протокольно она

выглядит так: трехэтажный особнячок

с уютно-вкусным рестораном; прости-

те, прервусь:

— Стас, это правда, что шеф-повар и директор ресторана в одном лице — твоя тетя из Армении?

— Нет, конечно. Повар у нас про-

фессиональный и, кстати, очень

вкусно готовит.

Так вот, приходит сюда рок-поп-маде-

ин-тусовка центра. Кушают музыканты,

актеры, шахматисты, иностранцы. По-

кушав, разговаривают, контракты за-

ключают. Дни рождения — статья осо-

бая. Тем более если у шефа. Говорят,

8 ноября машину возле центра ставить

негде. Веселье до утра. «Хеппи бэз-

дей», диар Стас-а-с» поют. В прошлом

году Пугачева пела, Малинин пел

и многие другие. В этом (опять же

говорят) тусовка потеша была.

Но, возможно, самое-то интересное —

будни. Суэта, беготня, телефоны, за-

граничные паспорта, комнатки ма-

ленькие, но с непременным атрибу-

том — фотографиями, вырезками из

газет: вот Стас с Фрэнком Заппой.

А вот его голова ловко к накачанному

телу Шварценеггера прилеплена.

Один наивный музыкант попался на

удочку: Стас, говорит, как ты сдал

в последнее время, сочувственно при

этот глядя на живот Стаса. Плакаты,

афиши, купюры достоинством 10 руб-

лей и один доллар запросто кнопкой к стене пришили.

— Стас, мы уже второй час разговари-

ваем, а чем занимается твой центр,

я так и не поняла.

— Трудно сказать. Работы много.

Культурный центр, который мы

создаем, — это и музыка разных

видов и жанров, танцевальные кол-

лективы. Создаются театр, кар-

тина галерея...

— То есть все, из чего можно делать деньги?

— Наоборот, то, из чего не стоит делать денег, мы их вкладываем в искусство, и здесь больше меценатская позиция, чем спонсорская. Я — продюсер, а центр Стаса Намина — субъективно-продюсерская группа.

— И «что я захочу»...

— Что значит захочу? Существует вкус. Когда я делал «Цветы»,

меня никто не насыпал. И когда

«Бригаду С» к себе взяли и «Аукцион».

А теперь — «Калиног мост» с гени-

альным, на мой взгляд, Димой Ревя-

киным, «Нюанс». У нас очень мало

подопечных, потому что я люблю

работать, когда мне в кайф. Я уже

избалован за эти годы, потому что

делаю то, что мне нравится.

— Я вроде бы тоже делаю то, что мне нравится, но не считаю себя избалованной.

— А я считаю это избалованно-

стью. Ты посмотри, как большинство

людей живет. Всем ли удается

в жизни найти такую профессию,

где человек имеет возможность

делать то, что нравится? Даже за

хорошую зарплату меня уже трудно

заставить делать то, что не нравится.

— Наверное, твое состояние позволяет...

— А с чего ты взяла, что у меня

много денег? Существует дурацкий,

смешной человеческий феномен: если

ты независим, и глаза у тебя

независимые, и ведешь ты себя

независимо — значит, богатый.

— Ну не будешь же ты мне сейчас

рассказывать, что тебе не хватает на

мороженое?

— На мороженое хватает. Но мож-

ет кто-нибудь себе представить,

что первые годы мы получали пять рублей за концерт, последние — 23 рубля и музыка много лет была моим единственным заработком?

— Ты верующий, увлекаешься астрологией, культами?

— Я конечно же не считаю, что человек есть венец природы, и думаю, что ему чаще надо поглядывать на небо и думать: откуда он взялся.

Я поглядываю на Стаса, поглядываю вокруг него и даже на небо поглядываю, но понять, «откуда есть пошел» этот человек и «что он есть такое», не могу. Вот он щурится так — немного блаженно, немного вальяжно. О том, что у него нет профессии, рассказываю. О том, как папа, военный летчик, генерал, его в суворовское отправил, что хулиганом не рос. О том, как из инстит